

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).084.8

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1941–1945 гг.**Ильин Е.В.**кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы отношения к военнопленным в 1941–1945 гг. Особое внимание акцентировано на положении советских военнопленных. Проанализированы ее конкретные направления, сознательно направленные на массовое истребление советских военнослужащих, оказавшихся в плену. Голод, отсутствие элементарных бытовых удобств, медицинской помощи, непосильный физический труд, издевательства и расстрелы являлись теми инструментами, которые должны были решить вопрос освобождения завоеванных территорий от недочеловеков — русских. Отмечено достаточно гуманное отношение советских военнослужащих к немецким военнопленным. В то же время выделено корректное и уважительное отношение немецкой администрации лагерей к западным пленным, прежде всего, американским и английским.

Ключевые слова: Женевская конвенция, плен, советские военнопленные, голод, истребление, массовые казни, месть, Чрезвычайная Государственная Комиссия, И. Сталин, Красный Крест.

The treating of the prisoners of war in 1941-1945**Il'in E.V.**PhD, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The treatment of the prisoners of war (POW) is discussed in details. Special attention is given to the treatment of the soviet POWs and to the conditions of their keeping. The goal of these concentrations camps - the deliberate mass execution of Soviet prisoners — was achieved via several means which were analyzed in this article. Starvation, shoot down, harassment and torture, exhausting labor, lack of medical services and sufficient living conditions — these were the Nazi's tools to clear out the conquered territories from "subhuman" — Russians. On the contrary, the humane treatment of German POW's by the Soviet troops was documented. At the

same time, it was noted that the German camp administration treated only the western prisoners, primarily American and British with respect.

Keywords: *the Geneva Convention, captivity, Soviet prisoners of war (POW), starvation, mass executions, vengeance, the Special State Commission, I. Stalin, the Red Cross*

Проблема плена одна из тех драматических тем, вокруг которой до последнего времени идут ожесточенные дискуссии. По германским данным в ходе войны в плену оказалось 5,75 млн военнослужащих Красной Армии, по советским — 4,59 млн человек. По сию пору жива легенда о том, что массовая гибель советских военнопленных в немецких лагерях связана с отказом И. Сталина подписать Женевскую конвенцию 1929 г. о пленных. Одним из вариантов отказа является утверждение о том, что И. Сталин боялся массовой сдачи красноармейцев в плен в случае начала войны.

Отметим, конвенций о пленных было две: первая — о содержании военнопленных; вторая — об улучшении участи раненых и больных военнопленных. Вторую конвенцию СССР подписал, о чем заявил 25 августа 1931 г. Народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов. Первая конвенция подписана не была. Связано это было с причинами идеологического характера. Вместо нее был разработан и принят советский вариант «Положения о военнопленных». С началом войны многие из этих положений стали сближаться с положениями Женевской конвенции.

Проявив любопытство, посмотрим материалы Женевской конвенции о военнопленных. Статья 82 (Раздел VIII, отдел 1) гласит: «Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положение таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших». Получается весьма интересная и занятая картина: И. Сталин, не подписавший конвенцию, оказался большим гуманистом, чем Гитлер, который ее подписал. В германском плену погибли 3,3 млн советских военнопленных (57,3%), вернулись домой 2 722 400 человек; советском плену погибли 442 100 немцев (14,9%), вернулись домой — 2 910 400 человек [1, с. 373].

Подчеркнем, наличие конвенций, подписанных или нет, мало что меняли в положении советских военнопленных. Еще на этапе подготовки войны политическое и военное руководство фашистской Германии разработало общие положения обращения с советскими военнопленными. В них говорилось о том, что советский солдат должен рассматриваться не только как военный, но и идеологический противник, являющийся смертельным врагом национал-социализма. «Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним, как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением». Отметим и другое, советские военнопленные изначально были обречены на гибель, поскольку они были «русскими», «советскими» — недочеловеками, которым, по расовой доктрине национал-

социализма, места на земле не было. Заметим, советские военнопленные единственные из всех военнопленных, кто подвергался клеймению, как клеймили скот, преступников. Это лишний раз говорит о том, что эта категория военнопленных была отнесена к недочеловекам-животным.

Истребление военнопленных Красной Армии начиналось сразу после их пленения. «Каждый раз перед этапом выстраивались с двух сторон конвоиры с палками, звучала команда: «Все бегом!» Толпа бежала и в это время на нас обрушивались удары. Прогон в один-два километра, и раздавалось: «Стой!» Задыхающиеся, разгоряченные, обливаясь потом, мы останавливались, и нас в таком состоянии держали на холодном пронизывающем ветру по часу под дождем и снегом. Эти упражнения повторялись несколько раз, в итоге на этап выходили самые выносливые, многие наши товарищи оставались лежать, звучали одиночные сухие выстрелы, это добивали тех, кто не смог подняться», — писал Н.И. Обрыньба [7, с. 420], попавший в плен под Вязьмой в октябре 1941 г. Перед нами типичная картина движения колонны военнопленных на один из сборных пунктов, лагерей, которая являла собой «дорогу смерти». «Всю колонну куда-то гонят. Кушать не дают. Достали на обочине выкопанную картошку, пока доставали — по нам стреляли. Так каждый день убивают человек 30–40», — записал 12 октября 1941 г. в своем дневнике И.А. Шаров, попавший в плен 6 октября [7, с. 419]. Примеры подобного рода — не случайность. Они составляли один из элементов «нового порядка», который захватчики установили на захваченной территории.

Готовя нападение на СССР, немецкое командование разработало планы размещения на территории Германии и Польши 790 000 пленных. Их планировалось разместить в 19 лагерях. К началу войны ни один из лагерей не был построен.

С конца июня 1941 г. до весны 1942 г. в немецком плену умерло от голода, замучено и расстреляно от 1,5 млн до 2 млн советских военнопленных. Режим питания, установленный в немецких лагерях для советских военнопленных в это время, гарантировал голодную смерть. В этом не было ничего странного. Голод, вызванный искусственно, преследовал вполне конкретную цель. Ее предельно ясно выразил фельдмаршал К. Рундштедт: «Мы должны уничтожить, по меньшей мере, одну треть населения присоединенных территорий. Самый лучший способ для достижения этой цели недоедание. В конце концов, голод действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи» [2, с. 26].

Спутником голода стали повальные заболевания дизентерией, эпидемия сыпного тифа. Для борьбы с эпидемиями немцы использовали массовые расстрелы всех больных, а также заподозренных в болезни пленных. Испуганные опасностью эпидемий среди населения Германии, администрация лагерей стала проводить санитарную обработку пленных, прибывающих из других лагерей в Германию. Такая практика стала проводиться с лета 1942 г. и в некоторых лагерях военнопленных на территории СССР. В 1942–1945 гг.

положение советских военнопленных улучшилось, но процесс их истребления продолжался.

Для расследования злодеяний оккупантов на временно оккупированной территории СССР 2 ноября 1942 г. Указом Верховного Совета была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК). На местах создавались республиканские, областные, районные комиссии. Акты комиссий составлялись по определенному плану, предложенному ЧГК. Пункт 3 этих актов назывался «Зверства фашистов над военнопленными».

Мы исследовали материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии Новгородской области, образованной в сентябре 1944 г. и завершившей работы в 1946 г. В 1984 г. материалы комиссии были рассекречены, как утратившие секретный характер и опубликованы в 1996 г. [4]. Анализ этих документов позволяет утверждать, что в лагерях советских военнопленных, имевшихся в каждом районном центре, крупном населенном пункте области, сознательно проводилась политика, направленная на уничтожение русских военнопленных. Так, врач больницы пос. Волот Н.К. Степанов, в заявлении ЧГК от 25 декабря 1945 г. достаточно полно описал этот механизм: 1) размещение военнопленных в помещениях, не отвечающих элементарным медицинским требованиям — свинарники, скотные дворы, конюшни, сараи, открытые места; 2) голодный паек — выдача питания 2 раза в сутки: утром — 200 гр. хлеба и вода, обед — баланда из неочищенного картофеля; 3) тяжелый физический труд; 4) издевательства охраны. «Непосильный труд, холод, голод и антигигиенические условия делали свое дело, и люди сознательно истреблялись сотнями», — заключал Г.К. Степанов [4, с. 37]. В Демянском районе в 10 лагерях для военнопленных погибли 98 680 военнослужащих РККА, Залучском — в течение года погибли 8 400 человек, Полавском — 7 344 человек [4, с. 41, 43–44, 47, 67–68].

По показаниям свидетелей военнопленные подвергались пыткам, избиениям, расстрелам. Так, военнопленные, вследствие истощения, болезней, не могущие работать расстреливались, либо добивались металлическими палками. Это подтверждено судебно-медицинскими исследованиями трупов, проведенных 25–26 апреля 1945 г. в Чудовском районе области [4, с. 95]. Из почти 100 тысяч военнопленных, уничтоженных в Демянском районе, не менее 15% были уничтожены именно таким способом [4, с. 43–44].

В ходе боевых действий в плен, пока в меньшем числе, чем красноармейцы, попадали и немецкие солдаты. «Почему они все спрашивают — расстреляют их или нет», — записал в мае 1942 г. в своем дневнике В.И. Чекалов [8, с. 153], после допроса трех немецких солдат.

Тяжело было видеть разрушенные деревни, села, расстрелянных мирных жителей. Такие картины вызывали не только гнев, но и стремление унижить противника. Зимой 1942 г. Р. Мохов в Волховстрое впервые увидел пленных немецких солдат. «Перед получением “пайки” они должны были встать на

колени и, получив кусок, громко благодарить. Все это в присутствии зевак» [5, с. 80].

Картины зверств и разрушений вызывали стремление мести. Порой бывало трудно сдержать солдат от расправ с пленными вражескими солдатами. «Я был живым свидетелем на Калининском направлении массовой сдачи фашистской сволочи в плен. Если бы ты видел, какой жалкий и жуткий вид имели эти собаки в образе человечества... Не далек тот день, когда наша армия будет бить эту сволочь на их же территории, ну и тогда, конечно, пусть не ждет ни один пощады, пусть это будет 3-месячный ребенок, я лично все равно разорву на клочки выродка этих собак...», — говорилось в одном из солдатских писем [7, с. 281]. «Мне не забыть, как у деревни Софийское (Калининская область. — *Е.И.*) молодой политрук прилаживал веревку к суку березы, собираясь казнить десятка полтора дрожащих от холода фашистских вояк, стоящих под охраной наших автоматчиков. Эти головорезы во главе с офицером сожгли деревню, расстреляли многих ее жителей. Теперь самим предстояло держать ответ перед богом и людьми. Не знаю, повесили ли тогда пленных» [3, с. 123–124].

Сталинград привел к перелому в войне, внес изменения в психологию пленных. «Пленные ведут себя уморительно: румыны ругают Антонеску, а немцы — Гитлера», — записал в дневнике В. Чекалов [8, с. 277].

Наиболее беспощадны советские военнослужащие были к предателям Родины. Летом 1944 г. у города Ярослав был захвачен немецкий обоз, но ездовыми оказались власовцы, одетые в немецкую форму. «Я приказал шоферу притормозить машину. Из кабины видно было, как Подгорбунский взял одного власовца и с силой ударил головой о броню танка. Тот замертво упал под гусеницы. Затем он выхватил из кобуры пистолет и тут же пристрелил второго пленного. Пришлось мне вмешаться в этот дикий самосуд, иначе бы разведчик прикончил всех пленных. Я подошел к нему, положил руку на плечо и сказал: “Володя, мы же не фашисты и власовцы. Пусть их судит трибунал!”» [3, с. 177].

В условиях наступления весной 1944 г. в районе г. Станислава дивизионом П. Демидова было взято в плен около 80 венгерских солдат во главе с офицером. Выделять конвоиров не стали, поскольку каждый солдат был на счету. «Написал записку тыловым службам, чтобы приняли пленных венгров в таком-то количестве. Записку вручил назначенному мною из этой группы “старшему” и скомандовал: “Шагом марш!”» [3, с. 200].

Но бывали и иные случаи. При подходе к Одру дивизион был обстрелян. «Десантники оцепили небольшой лесок и вытащили из кустов трех пацанов из гитлерюгенда. У них отобрали оружие, но троица еще продолжала кричать “Хайль Гитлер!” Майор Прошкин гаркнул на них, чтобы прекратили свой вой, но они обнялись и запели молодежный гимн. Конечно, жалко было несмышленишей, но комиссар принял решение: “Расстрелять!”, опасаясь, что, если он отпустит их, они снова возьмутся за фаустпатроны и будут бить по нашим танкам. Жесткое решение. На войне других не бывает!» [3, с. 257].

Совсем в ином положении находились военнопленные из числа западных военнопленных. Британский лейтенант Эйри Нив, являясь командиром прожекторной батареи, 24 мая 1940 г. раненым попал в плен. После выздоровления все его помыслы были направлены на побег, к которому он готовился с товарищем: готовили запас шоколада, сгущенного молока, сардин, достали компас... Побег совершили из форта Торн, но через три дня были пойманы. За это он был подвергнут 28-дневному одиночному заключению, а также его перевели в лагерь для прощтрафившихся военнопленных, который располагался в замке курфюрста саксонского Августа Сильного. «У каждого офицера в этом замке на уме было только одно — побег», — писал он [6, с. 77]. В этом интернациональном офицерском лагере делали попытки побега, как отдельные узники, так и группы военнопленных. В августе 1941 г. Э. Нив пытался бежать, но был пойман уже внутри замка. Собрав свои любимые книги, запас табака, сигарет, шоколада на несколько недель, он отправился в 28-дневное одиночное заключение. «Запаса сигарет мне хватило бы на несколько месяцев, и целыми днями, если не считать часовой зарядки во дворе, я лежал на койке, курил, читал», — писал в последствие он [6, с. 98]. Третья попытка побега, предпринятая им с товарищем в Рождество, увенчалась успехом. Через несколько дней они были в нейтральной Швейцарии. За годы войны из этого лагеря «особого режима» сумели бежать не менее 20 офицеров.

Воспоминания британского военнопленного позволяют утверждать, что содержание западных пленных, прежде всего, английских и американских, разительно отличалось от содержания советских военнопленных. Прежде всего, они не голодали. По линии Международного Красного Креста пленные получали продуктовые посылки до 24 кг в месяц. Только американский Красный Крест с 1 января 1941 г. до 30 июня 1944 г. отправил находившимся в плену американским и другим солдатам союзных армий, кроме солдат Красной Армии, 14 274 210 посылок, добровольцы американского Красного Креста собрали и отправили ещё 13 947 386 посылок. В них кроме еды и одежды входили и медицинские препараты [6, с. 240]. Значительную часть помощи военнопленным составляла одежда, обувь. Большую помощь военнопленным оказывали разного рода благотворительные организации, которые доставляли в лагеря книги, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь, медикаменты, медицинское оборудование.

Западные пленные имели право ежемесячно отправлять по 5 писем и 4 почтовые открытки. Таким образом, находясь в плену, военнослужащий имел возможность поддерживать связь с родными, а после возвращения из плена получить статус ветеранами войны.

Список литературы

1. Великая Отечественная без грифа секретности: книга потерь / [Г.Ф. Кривошеев (рук.), В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин]. М.: вече, 2009. 380 с.
2. Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов: С приложением секретных документов. Нью-Йорк: Б. и., 1950. 121 с.

3. Демидов П. На службе у бога войны: в прицеле черный крест. М.: Эксмо Яуза, 2007. 317 с.
4. «...И ничто не забыто»: Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944) / Сост. Т.А Данько и др. Новгород: Кириллица, 1996. 189 с.
5. Мохов Р.М. Моя война: записки рядового необученного. СПб.: Вести, 2011. 285 с.
6. Нив Э. Побег на войну: Плен. Концлагерь. Фронт / Пер. с англ. П.А. Смирнова. М.: Эксмо Яуза, 2008. 283 с.
7. Смыслов О.С. Окопная правда войны: [1941–1945 гг.]. М.: Вече, 2008. 477 с.
8. Чекалов В.И. Военный дневник. 1941, 1942, 1943. М.: Российское гуманистическое общество, 2003. 361 с.